

Полиграфический сюрприз

Нина Тимофеева. Мир танца. М., Терра

Татьяна Кузнецова

Товорят, не найти нынче хорошо изданной некоммерческой книги: и Бердяева, и Розанова, и всякую мировую классику печатают на серой оберточной бумаге и в мягких обложках. Ан нет — издают-таки! Только что вышла книга «Мир танца». Автор — знаменитая балерина Большого театра, народная артистка СССР, депутат ВС СССР седьмого, допестроечного созыва (ныне живет и работает в Израиле).

Эту книгу не почитаешь за обедом, не полистаешь на сон грядущий. Требует она отдельного кабинета, письменного стола (желательно красного дерева), мягкого света зеленой лампы... Блестящая твердая коробка — с обеих ее сторон цветная фотография балерины в роли Эгины из балета «Спартак». Извлекаем книгу: снежно-белая суперобложка с красно-сочным портретом Нины Тимофеевой в образе леди Макбет. Синий матерчатый переплет. Плотная, глянцевая, ласкающая пальцы бумага. Внятный, пузатый, внушительный шрифт.

Вышедший в серии «Библиотека русской культуры» труд писательницы-дебютантки претендует на глобальность: три раздела охватывают период от палеолита до современности. Первый, уместившийся на 78 страницах, завершается XVIII веком, реформами Ж.-Ж. Новерра. Во втором (120 страниц) прослеживается история отечественного балета от скоморохов до новатора Фокина. Отныне учащимся нет необходимости штудировать труды В. Кравоской и Ю. Бахрушина, Л. Блок и Ю. Слонимского — краткий конспект их исследований составлен Ниной Владимировной с обезоруживающей простотой, непосредственностью, все ярлыки прикреплены, точки над *i* расставлены. Богато иллюстрированная история танца завершается разделом автобиографическим.

Книга вынашивалась, видимо, давно: в языковом строе, равно как и в менталитете писательницы большой след оставили приснопамятные пятидесятые: фразы типа «отразить судьбу современницы средствами хореографии» гладко обкатывают конфликт между хорошим и лучшим. Сценическая деятельность Нины Тимофеевой заняла три с половиной десятилетия (1954—1988). Свидетельница жестокой борьбы драмбалета с воскресающим танцсимфонизмом на рубеже 60-х, участница триумфов Ю. Григоровича, прошедшая озадаченное затишье 70-х, лихорадочные поиски и острейшие конфликты 80-х, балерина предпочитает обо всем об этом не вспоминать. В «мире балета» Тимофеевой все эти годы стоял безмятежный штиль: путь балерины усыпан розами, в качестве шипов — лишь непомерные физические нагрузки. Портреты коллег и балетмейстеров, возникающие по ходу повествования, столь благостны и так отлакированы, что непосвященному читателю ни за что не понять, чем, скажем, Л. Лавровский отличается от своего оппонента Ю. Григоровича. Текст пестрит штампами, стертыми стилистическими оборотами, и разглядеть сквозь эти нагромождения живых людей (в том числе и самого автора) весьма затруднительно.

Как в любом произведении соцреализма, в книге Н. Тимофеевой силен нравственно-эстетический потенциал. Впечатляет максимализм и бескомпромиссность суждений, как-то: «В искусстве надо

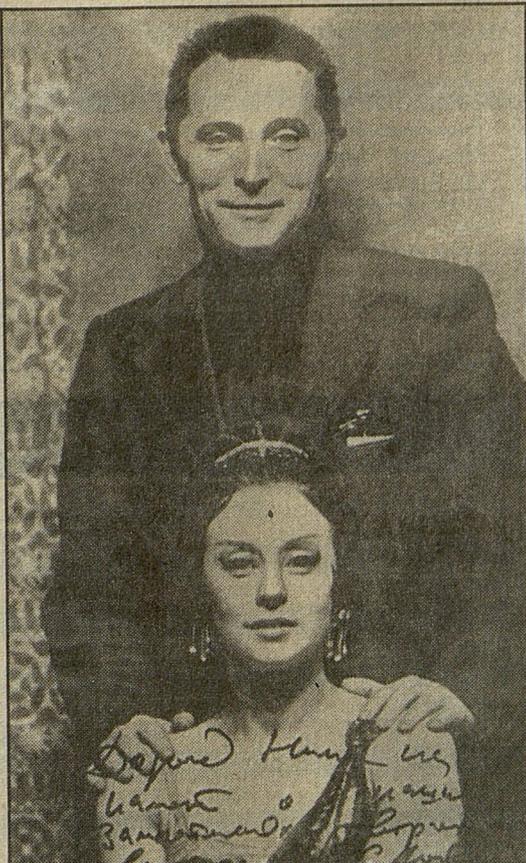

ИЛЛЮСТРАЦИЯ № 169.

Н. ТИМОФЕЕВА И Ю. ГРИГОРОВИЧ. 1970-Е ГГ.

быть или не быть вовсе. А если быть, то быть первой». Поражает решительностью и следующее изречение: «...Относиться к ним (деньгам. — Т. К.) надо как к чему-то неизбежному, однако нельзя допустить, чтобы они взяли власть над нами». Развитию этих мыслей посвящены последние главы книги. Чувствуется, с каким самозабвением балерина вживается в роль философа. Как, впрочем, и в роль просветителя. Свежо и безыскусно излагает она либретто балетов от времен Отечественной войны 1812 года до наших дней. (Исключения не составляет и классический репертуар.) Здесь также можно почерпнуть немало поучительного. Например, в «Каменном цветке» вырисовывается следующая коллизия: «В то время как Данила предстает перед Хозяйкой в первом действии, она не знает еще, получится ли у них что-нибудь, поэтому она то приближается к нему, то отходит от него».

Особенно интересна Н. Тимофеева в роли психоаналитика. «...Я чувствовала себя на сцене очень одинокой... Если случалось иначе и я ощущала, видела, что происходит рядом, не получалось ничего, не было вдохновения, а, следовательно, не было и творчества». Результат самоанализа даже обескураживает: «Танец — это состояние аффекта». Хорошо еще, что не все артисты достигают такой глубины погружения в образ, иначе зрителям трудно было бы пережить это клиническое испытание.

А читателям легко. Книга проглатывается быстро. Информации, дат, имен, стран и событий в ней более чем достаточно. А главное — уже очень она красива! Мой знакомый купил ее у барышни на Кузнецком за семь тысяч. Торопитесь, а то подорожает — тираж-то всего 5000 экз.